

Пётр ЕРШОВ

КОНЁК ~ ГОРБУНОК

СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ
INTERMEDIATE

- BILINGUA
параллельный
текст сказок
на русском
и английском языке
- классический
стихотворный
перевод Л. Зеликова
- в помощь изучающим
английский язык

Pyotr YERSHOV

THE
LITTLE
HUMPBACKED
HORSE

ENGLISH

BILINGUA ENG/RUS

Пётр ЕРШОВ

КОНЁК ~ ГОРБУНОК

THE LITTLE HUMPBACKED HORSE

Pyotr YERSHOV

КАРО

Санкт-Петербург

УДК 373
ББК 81.2 Англ-922
Е69

Ершов, Пётр Павлович.

Е69 Конёк-Горбунок. The little humpbacked horse : Книга с параллельным текстом на англ. и рус. яз. / П. П. Ершов. — [Пер. на англ. яз. Л. Зеликова]. — Санкт-Петербург : КАРО, 2022. — 224 с.: ил.

ISBN 978-5-9925-1556-5.

Сказка в стихах «Конёк-Горбунок» написана почти два столетия назад, это классика русской детской литературы. «Конька-Горбунка» хвалил Пушкин, ему приписывали авторство первых четырех стихов сказки.

В книге-билингве оригинальный текст на русском языке дополнен параллельным переводом на английский. Перевод сохраняет легкость стиха оригинальной сказочной поэмы, его выполнил Лев Моисеевич Зеликов. Это образцовый перевод, прошедший проверку временем: первое его издание появилось в 1954 году в «Детгизе».

Книга будет интересна всем, кто изучает английский язык. Ритм и рифма помогут улучшить навыки чтения, богатый образный язык — расширить словарный запас. А еще это лучший подарок англоязычным друзьям: сказка поможет им прикоснуться к русской народной культуре.

**УДК 373
ББК 81.2 Англ-922**

ISBN 978-5-9925-1556-5

© КАРО, 2022
Все права защищены

CONTENTS

PART ONE

• 4 •

ЧАСТЬ I

• 5 •

PART TWO

• 68 •

ЧАСТЬ II

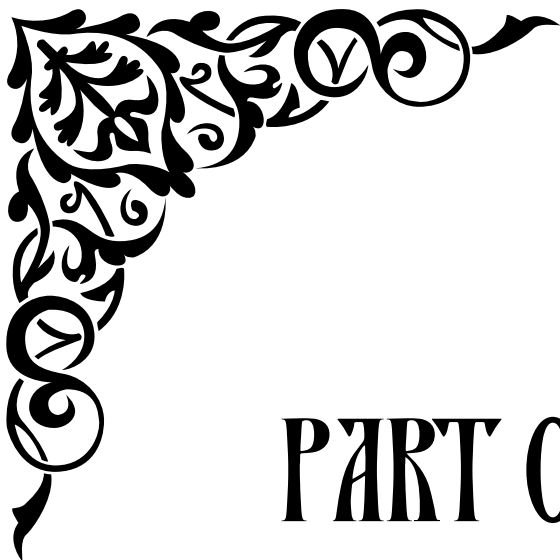
• 69 •

PART THREE

• 148 •

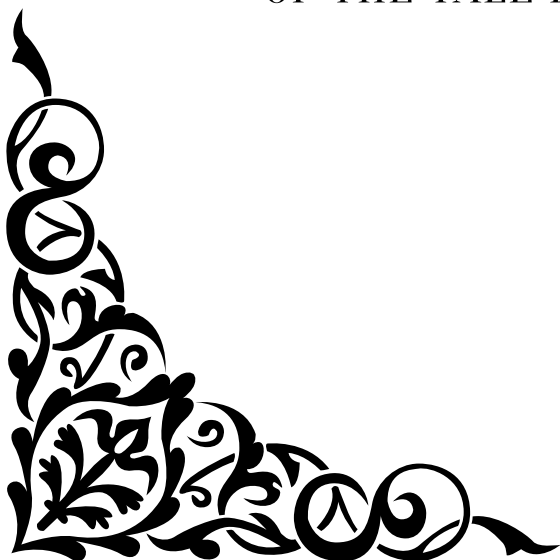
ЧАСТЬ III

• 149 •

PART ONE

NOW THE TELLING
OF THE TALE BEGINS.

ЧАСТЬ I

НАЧИНАЕТ СКАЗКА
СКАЗЫВАТЬСЯ...

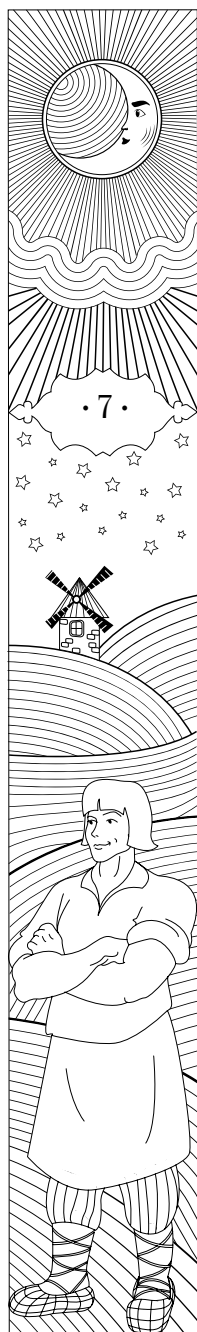
Last the woods and mountains steep,
Past the rolling waters deep,
You will find a hamlet pleasant
Where once dwelt an aged peasant.
Of his sons – and he had three,
Th’eldest sharp was as could be;
Second was nor dull nor bright,
But the third – a fool all right.
Now, these brothers planted wheat,
Brought it to the royal seat,
By which token you may know
That they hadn’t far to go.
There they sold their golden grain
Caunted carefully their gain
And, with well-filled money bags,
Home again would turn their nags.

But, upon an evil day,
Dire misfortune came their way –
Someone, ’twixt the dark and dawn,
Took to trampling down their corn;
Never had such grief before

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле

Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали

Come to visit at their door;
Day and night they sat and thought
How the villain could be caught,
Till at last it dawned upon them
That the way to solve the problem
And to save their crops from harm
Was, each night to guard their farm.

As the day drew near its close,
Up the eldest brother rose
And, with pitchfork, axe in hand,
Started out his watch to stand.

Dark and stormy was the night,
He was overcome with fright
And, of all his wits deprived,
In the nearest haystack dived.
Slowly night gave way to day;
Our brave watchman left his hay,
And, with water from the well,
Soused himself – then, with a yell,
Pounded on the cottage door;
And you should have heard him roar!
«Hey, you sleepy owls,» cried he –
«Open up the door – it's me!

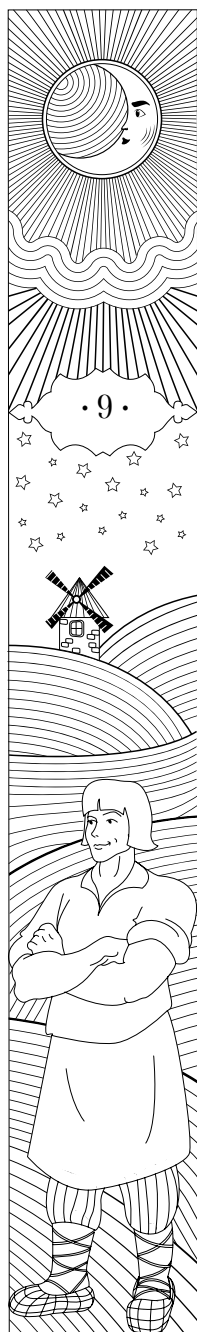
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами побережь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.

Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться

под избой:

«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату
двери,

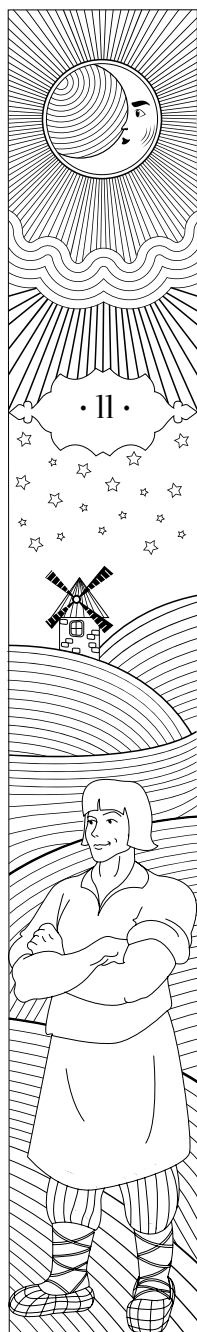

I am soaked right to the skin!
Hurry, there, and let me in!»
Quickly they the door unbarred
Letting in their sentry guard.
Then they started questioning –
Had he noticed anything?
First, in prayer he bent his head,
Cleared his throat, and then he said
(After bowing left and right):
«Why – I never slept all night!
And I really wonder whether
There was ever fouler weather!
Cats and dogs it poured, no joking!
Feel my shirt – it's simply soaking!
Oh, it was an awful night!
But, then, everything's all right.»
Father praised his son with pleasure,
Said: «Danilo, you're a treasure!
You have served me well, my son,
I can only say, well done!
You have proved that you're a man
And have not disgraced me, Dan!»

As next day drew near its close,
Up the second brother rose

Под дождём я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнова смеркаться;
Средний брат пошёл собирать:

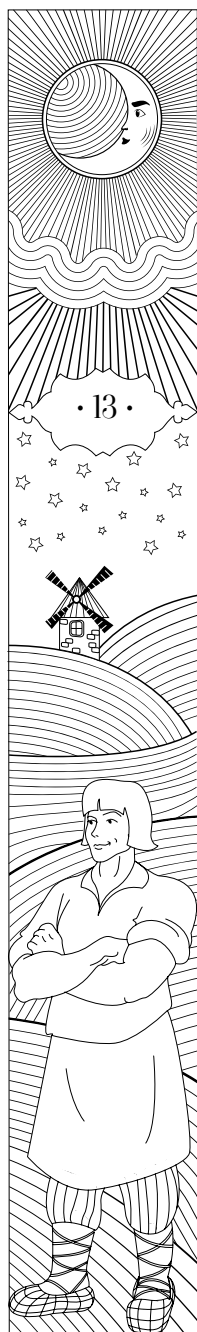

And, with pitchfork, axe in hand,
Also went his watch to stand.
Such a fearful frost set in,
That he shivered in his skin.
Teeth a-chatt'ring in his head,
Freezing, from his post he fled.
All night long, bereft of sense,
He walked round his neighbour's fence.
What a dreadful night he passed!
But the morning came at last,
Found him on the porch once more
Pounding on the cottage door.
«Hey, you sleepy owls,» yelled he,
«Let your brother in – it's me!
I am frozen, frozen quite –
It was dreadful cold last night!»
Quickly they the door unbarred
Letting in their sentry guard.
Then they started questioning –
Had he noticed anything?
First, in prayer he bent his head,
Through his teeth, he slowly said
(After bowing left and right):
«Why, I never slept all night!
And I really wonder whether

Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро.

Он к крыльцу:
«Эй вы, сони!
Что вы спите!

Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз, —
До животиков промёрз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,

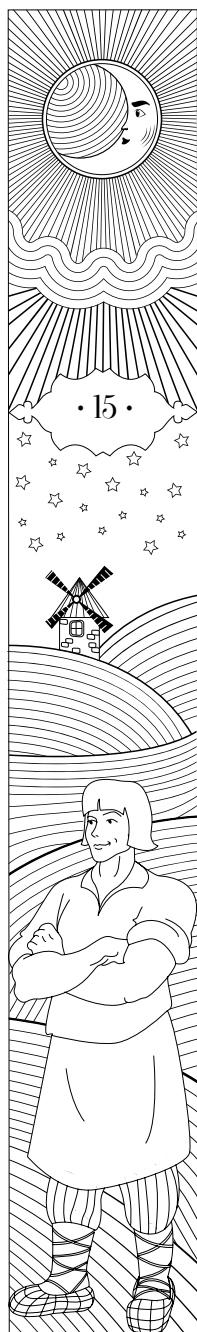

There was ever colder weather!
It was cold, I'd have you know —
I kept running to and fro —
Wasn't it a chilly night!
But, then, everything's all right.»
And his father said with pleasure:
«You, Gavril, are a treasure.»

Evening once again drew near,
Now the third should don his gear,
But he never turned a hair,
Sitting on the oven there,
Singing with his foolish might:
«O, you eyes, as black as night!»
Then to coax and beg Ivan
Both the elder sons began;
Bade him go and guard the grain;
They grew hoarse — but all in vain.
Father finally said: «Here,
You just listen, Vanya dear,
Go on watch, and if you do,
This is what I'll do for you:
I shall give you beans and peas,
And some pictures, if you please.»
At these words, Ivan climbed down,

Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша.
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,

Donned his coat of russet brown,
Pocketed a lump of bread
And on sentry – go he sped.

Night fell and the white moon rose.
On his beat Ivan now goes,
Looking sharply all around;
Then he sits upon the ground,
Munching slowly at his bread,
Counts the bright stars overhead.

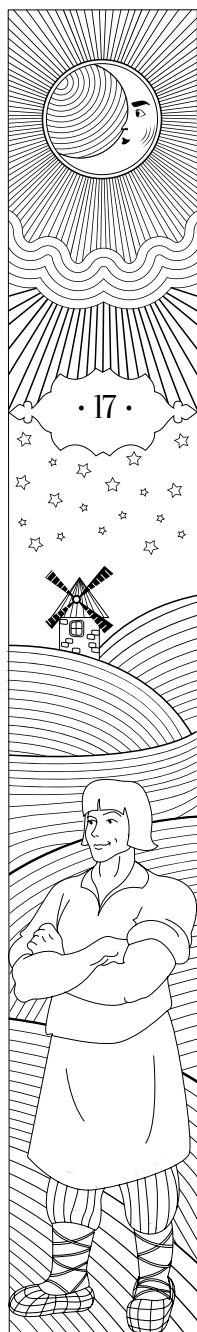
Suddenly, a neigh resounded –
To his feet our sentry bounded;
Peering round with shaded eyes,
In the field a mare he spies.
Now, this mare, I'd have you know,
Whiter was than whitest snow,
Silken mane in ringlets streaming
To the ground, all golden gleaming.
«Oh, ho ho – so this is it!
You're the rogue – but wait a bit!
I don't like such nasty jokes
Played on honest farming folks!
Trifling never was my line
And I'll jump upon your spine,

Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

Ночь настала, месяц всходит,
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.

Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!..

Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те
на шею.

Nasty little plague,» said he
And, approaching stealthily,
Seized her tail as in a vice,
Mounted on her in a trice,
Landed on her with a smack,
Back to front and front to back.
But the mare, whose blood was hot,
Started bucking on the spot.
Eyes ablaze with angry glow,
Like an arrow from its bow
Over hills and valleys sped,
Over streams and gullies fled,
On her haunches rearing, prancing,
'Neath the forest branches dancing,
All her wiles and strength in vain
Plying, to be free again.
But — she found her match at last —
To her tail Ivan stuck fast.

Finally, she said to him,
Spent, and trembling in each limb:
«Since you sat me, I confess
I am yours now to possess;
Find a place for me to rest,

Вишь, какая саранча!»
И, минуту улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою

